

II.

Толстой художникъ не разъ приходитъ на помощь Толстому мыслителю и одаряетъ его чудесной силой проникновенія въ тайное, въ неподлежащее распознаванію разума, а доступное только прозрѣнію художника. Это область непосредственной жизни, стихія, соотношенія которой съ разумомъ человѣка подобно соотношенію необъятнаго океана съ заливаемымъ его волнами челнокомъ. Толстой побѣждаетъ эту стихію, поскольку онъ и какъ мыслитель и какъ художникъ обращается къ внутреннему познанію, къ невѣдомому органу души. Мы уже видѣли, какъ полно совпала его основная идея о томъ «Чѣмъ люди живы» съ художественнымъ матеріаломъ непосредственной жизни, благодаря чему созданъ рассказъ безъ признака тенденціозности. Та же по существу идея о «тайномъ вліяніи», принимаемомъ внѣ участія разума, показана еще разъ въ изображенномъ уголкѣ жизни, взятомъ не внѣшне, а какъ бы съ корнями, уходящими глубоко въ невидимые пласты жизни. Я говорю о рассказѣ «Три старца».

Три старца наивны, полубезумны, больны святымъ маньячествомъ, отдающимъ человѣка во власть его внутреннему и освобождающимъ отъ всего внѣшняго. Они не соприка-